

Эльвира Смелик

СТРАЖИ



МАГИЯ В НАСЛЕДСТВО

Эльвира Смелик
Магия в наследство
Серия «Стражи», книга 2

<https://litres.ru/63731558>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-98995-5

Аннотация

Быть представителем могущественного магического рода - не самая завидная участь. Потому что к доставшимся по наследству невероятным способностям обязательно прилагаются семейные тайны и проклятия, от которых больше проблем, чем радости. Тут ещё в дело вмешивается маг с редким, но, на первый взгляд, не заслуживающим внимания даром и задетым самолюбием. И вот уже прошлое и будущее меняются местами, границы между добром и злом размываются, а ты даже толком не понимаешь, на чьей оказался стороне, и выбор тебе предстоит не самый простой - между долгом чести и жизнью близких.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. ГОСТЬ ИЗДАЛЕКА	6
Глава 1. Маленькая серая мышка	6
Глава 2. Девочка-лисичка	16
Глава 3. Всемирное общество филантропов	25
Глава 4. Здравствуй, мама!	33
Глава 5. Родительский долг и детские шалости	46
Глава 6. Я тебя не оставлю	55
Глава 7. Чистильщик	65
Глава 8. Лес хранит свои тайны	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Магия в наследство

Пролог

Грунтовая дорога вела через лес, а потом неожиданно делала петлю и впадала сама в себя. А ведь ещё совсем недавно она выводила к замку.

Странно. Была и исчезла — огромная постройка в три этажа с башенками на углах, высоким крыльцом и воротами. Разве такое возможно?

Никто не мог объяснить происходящее. Почти никто, кроме тех немногих посвящённых, кто точно знал — дело в магии.

У замка были не простые хозяева — древний род Выгоцких, владеющий особым волшебством, способным перекраивать пространство. Могучие колдуны, которых сделали хранителями таинственного артефакта — легендарной Каменной книги, несущей в себе запретное знание. А в помощники им досталась ещё одна семья, Гарреттов — анимагов, способных превращаться в огромных собак. Найдётся ли лучшая охрана?

Но не всех устраивал подобный расклад, запретное знание манило, обещало невиданное могущество. Многие пытались заполучить древнюю реликвию, и даже крепкие стены замка-крепости не считали преградой. Да только никому

пока не удалось осуществить задуманное. Уж слишком сильны оказались хранители. Хотя и осталось их совсем мало: из Выгоцких только колдун Вальтер и его юная племянница Александра, да ещё анимаг Ричард. Но во время последнего нападения и они пропали.

Теперь никто не знал, где они находятся, да вообще — живы или мертвы. Даже замок исчез, оставив неразгаданной очередную тайну и лесную дорогу, замыкающуюся саму в себя.

Часть 1. ГОСТЬ ИЗДАЛЕКА

Глава 1. Маленькая серая мышка

Фил неторопливо шагал по улице. На голове капюшон, натянутый почти до самых бровей, руки в карманах, через плечо сумка с нехитрыми пожитками.

В лёгкой курточке уже было зябко. Он не предполагал, что так долго задержится здесь. По тщательно продуманному плану всё получалось легко и просто, а, главное, быстро, но реальность равнодушно наплевала на все его замыслы, внесла свои коррективы, и, конечно же, со знаком «минус». С мнением Фила уже давно никто не считался, но он привык выпутываться из любой ситуации в одиночку, не дожидаясь помощи извне. Не на кого ему сейчас надеяться.

Есть хочется. И тут как раз кафешка по пути, сетевая, в которой готовят огромные сэндвичи. Разрезают вдоль половинку свежее выпеченного багета и выкладывают на нём, что выберешь сам: кусочки колбасы, ветчины, сыра, зелёные листья салата, кружочки помидоров...

Всё, хватит! А то уже слюни ручьём потекли. Но денег-то нет. Зато можно...

Ну да. А что? Не подыхать же теперь с голоду в благородстве и честности.

Не время. Да и желания нет.

Фил открыл дверь и вошёл в кафе, просканировал пространство быстрым взглядом, оценил обстановку.

Посетителей совсем мало. За колонной в самом дальнем углу устроилась парочка. Попивают кофе и о чём-то болтают, заняты исключительно друг другом. А напротив них, у окна, спиной в зал сидит женщина, не очень молодая, с высоким бокалом латте, и задумчиво крошит свой бутерброд над тарелкой. Она даже и не заметила, что кто-то вошёл, целиком занята своими мыслями.

За прилавком стоит девушка, на вид чуть постарше Фила. Может, ещё школьница, просто подрабатывает. Мало ли что в жизни бывает.

Девушка глянула на Фила очень внимательно, даже придирчиво, но вроде бы не подозрительно и не настороженно. Хотя, надо признать, вид у него не товарный, не слишком внушающий доверие. Поистаскался за месяц неприкаянной жизни. Почти за месяц.

На фирменный сэндвич рассчитывать не приходится. Его ещё надо собрать. Пока все ингредиенты лежат по отдельности за стеклянной витриной в специальных металлических контейнерах с крышками. Но зато сверху прилавка – подносы с разнообразной выпечкой, и можно стянуть сразу несколько штук всяких-разных булочек.

Стянуть? До чего ты, Фил, докатился! Уже заранее жутко стыдно, и руки в карманах подрагивают. И девушка эта. Та-

кая... и симпатичная, и милая, и... в общем, обманывать её не хочется.

Рыженькая, остроносая, щёки усеяны веснушками, не очень яркими, но частыми. А глаза – зелёные. Следят за Филом с ироничным интересом. А он делает вид, что внимательно рассматривает красочное настенное меню, но на самом деле ждёт момента, когда она хоть на секунду отвлечётся.

Вот чего уставилась?

Конечно, это не помеха. То есть... в моральном смысле – да, смущает. А для отвода глаз – ещё и лучше, быстрее получится перевести внимание на другой объект или просто отключить от себя.

Ага, получается. Больше Фил девушке не интересен. Она равнодушно переводит взгляд на сидящую за стойкой посетительницу, а Филя будто бы больше и нет поблизости. Осталось только протянуть руку к ближайшему подносу.

А пальцы-то трясутся. Взять и не уронить.

– Ты голодный?

Фил едва весь поднос не опрокинул. Щёки моментально вспыхнули, и, похоже, не только щёки. Чувство такое, что уши полыхают, как факелы. Сейчас подпалят шевелюру, и со всей очевидностью подтвердится пословица «на воре и шапка горит». В данном случае – капюшон.

– Давай сэндвич сделаю?

Зелёные глаза сочувственно улыбались, в уголках губ пря-

талась усмешка, но тоже сочувственная.

– У меня денег нет, – с трудом выдавил Фил, тихо, чтоб никто не услышал.

– Да я поняла, – спокойно проговорила девушка.

На бэйджике написано короткое имя, всего четыре буквы, и две из них одинаковые: «Элла». А у Филадельфии две «п» – Филипп. Одна компания.

– За счёт заведения.

Врёт. За её счёт.

Неужели Фил выглядит настолько жалко и убого, что посторонних при виде него сразу тянет на благотворительность? Покормить несчастного бродяжку.

– Обойдусь.

– В смысле, пойдёшь и стащишь в другом месте?

– А твоё какое дело?

Элла улыбается, сдержанно и лукаво, на секунду прикрывает глаза, а у Филадельфии не то чтобы совсем отпадает челюсть – отвисает, частично.

На идеально чистом прилавке появляется маленькая серенькая мышка. Стоит столбиком, неподвижная, даже усиками не шевельнёт, словно не решается без разрешения.

Элла торопливо прикрыла её ладонью, одновременно оглядываясь по сторонам – не заметил ли кто? – и мышка бесследно исчезла, будто впиталась в руку. Да так всё примерно и было: ушла энергия, потом вернулась.

Ух ты! А Фил так растерялся и смутился, что совершенно

не обратил внимания на очень важный факт: трюк с отводом глаз у него не прошёл.

Первый раз с Филом такое, чтобы лопухнулся, собравшись обманывать волшебника, тоже владеющего маскирующей магией. Вон у неё как легко фантомы получаются. Даже не собственные копии, а вообще что-то противоположное – крошечные пушистые зверьки.

Фил внимательнее вгляделся в девушку.

Ну рыжая – да. Веснушчатая. Глаза чисто зелёные, без вкраплений коричневого. Но... неужели? Вот так случайно зайти в кафе и встретить... Работавшую в самом банальном месте, среди совершенно обычных людей.

– Так ты хочешь есть? – уточнила Элла, и Фил снова смутился, но уже не столь сильно, кивнул.

– Тогда подходи к задней двери. Сейчас, как выйдешь, направо и до арки. Потом во двор. Там крыльцо с коричневой крышей и ступеньки вниз. Я тебя впущу.

– Ага.

Строго следуя выданной инструкции, Фил быстро добрался до нужной двери. Она приоткрылась, когда он стоял ещё на верхней ступеньке.

– Проходи. И опять направо.

Налево, видимо, кухня. Аромат оттуда – умопомрачительный. Свежего хлеба и сладких булочек. Фил даже замер на секунду, словно заворожённый, но Элла подтолкнула его в спину.

– Проходи.

Привела в какую-то подсобку. В одном углу шкаф для одежды, в другом диванчик, стол и пара потёртых стульев.

– Устраивайся. Сейчас сэндвич сделаю, – Элла усмехнулась, но не обидно. – Я так понимаю, тебе побольше. А пить что будешь? Кофе? – спросила и тут же решила сама. – Лучше шоколад принесу.

Она вернулась через несколько минут с огромной пузатой чашкой и тарелкой, на которой лежал, ну прямо не бутерброд, а произведение искусства. Сочетание цветов потрясающее: несколько оттенков жёлтого, красного, розового и ярко-зелёный. Поставила всю эту красоту перед Филом. Он, конечно, не удержался, торопливо ухватил сэндвич, по-звериному жадно впился зубами в хрустящую хлебную корочку.

Элла впечатлилась его реакцией.

– Ты когда ел в последний раз?

– Вчера, – с набитым ртом ответил Фил.

Получилось вряд ли разборчиво, но, наверняка, понятно. Элла посмотрела на него оценивающе, критично поджала губы.

– Из дома, что ли, сбежал?

На этот раз Фил сначала дожевал и проглотил очередной кусок, только потом отозвался:

– Можно сказать и так.

Всё-таки Элла его старше, потому что дальше последовало разумное и негодующее:

– А как же родители? Они же из-за тебя с ума сходят.

– Сейчас не сходят, – получилось холодно и резко, но Элла не вознегодовала ещё сильнее, а задумалась, слегка прищурившись. Словно прицелилась.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю.

Уверен почти на сто процентов. Сейчас точно не сходят. Вот прямо сейчас.

На длинные допросы с пристрастием у Эллы времени не было. Она и так постоянно посматривала в нетерпеливом беспокойстве на дверной проем, прислушивалась, всё ли в порядке в зале.

– Ты ешь. И никуда не уходи.

С чего это Фил должен её слушаться? В благодарность за кормёжку?

– А я скоро приду, – сообщила и глянула вопросительно.

Да не уйдёт он. Не уйдёт. Фил принял вид послушного пайныки, трогательно хлопнул ресницами.

– Сейчас Юля должна явиться. Моя сменщица. Не пугайся.

Фил хмыкнул.

– Она что, такая страшная?

А Элла улыбнулась, объяснила:

– Она красивая. Но характер ужасный.

И убежала на рабочее место.

Обещанная сменщица Юля возникла в дверях минут че-

рез десять, Фил уже успел расправиться с сэндвичем.

Правда, красивая. Жгучая брюнетка, с яркими пухлыми губами и выразительными глазами. Глянула на Фила свысока, неодобрительно.

– А ты ещё кто такой?

– Я Эллу жду.

Ответом Юля удовлетворилась, и тут же перестала обращать на Фила внимание. Словно он в невидимку превратился без всякого отвода глаз, на самом деле. Расстегнула пальто, выудила из шкафа плечики.

Рабочая одежда у неё точно такая же, как у Эллы: узкие брюки и рубашка-поло с коротким рукавом, но смотрится совсем по-другому. Как бы точнее выразиться? Более эффектно. Есть что подчёркивать и обтягивать.

– Ну и чего ты на меня пялишься? – возмущённо фыркнула Юля, и Фил в который уже раз за последний час смутился, уткнул взгляд в чашку с шоколадом.

Девушка нацепила бейджик на планку нагрудного кармашка и величаво проплыла к выходу, а через некоторое время появилась Элла.

– Ну? Наелся или ещё?

– Хватит, – буркнул Фил.

Всё-таки есть за чужой счёт, из милости и чьей-то необъяснимой доброты, не очень приятно. Задевает самолюбие.

– И давно ты в бегах?

Смена закончилась, появилось много свободного време-

ни, и теперь Элла его достанет вопросами. А и пусть! Всё равно когда-нибудь узнает.

– Почти месяц.

– Ага, – она кивнула с понимаем. – Живёшь, где попало, питаешься тем, что...

Дослушивать Фил не стал, перебил обиженно:

– У меня деньги были. Просто кончились.

Сейчас спросит, откуда деньги, и, конечно, предположит, что спёр у родителей. Уже и брови сдвинула, чтобы выглядеть строже.

– А возвращаться ты собираешься?

Не угадал.

Фил допил шоколад, взмахнул чашкой:

– Пока нет.

– Почему? Дома с родителями какие-то проблемы?

Ну да, проблемы. Но точно не такие, как она подумала.

– Спасибо, – Фил поставил чашку на стол. – Я пойду.

– Куда? – искренне изумилась Элла. Не встревожилась, не обеспокоилась, а действительно изумилась, как будто несколько минут назад он пообещал, что навсегда останется жить в подсобке кафешки. На правах прикормленного котика или собаки, что ли?

– Куда-нибудь.

– И, значит, я должна тебя вот так просто отпустить?

– А что ты планировала? – нахально поинтересовался

Фил. – Полиции сдать?

Теперь Элла смутилась.

– Нет... подожди... даже не думала. Но, может, всё-таки отвести тебя домой?

Фил усмехнулся, пристально посмотрел на неё.

– Не получится. Мой дом слишком далеко. И я не пойду.

Она ответила не сразу. На короткий промежуток времени взгляд стал отстранённым, словно обратился куда-то внутрь её самой.

– А ко мне? Ко мне пойдёшь?

Вот так легко? Встретив первого попавшего бродяжку, пригласить его к себе?

Фил – не малыш. Вряд ли вызывает умиление и совсем не выглядит обиженным и несчастным. Он ростом уже выше Эллы и физически, сто процентов, сильнее. По улицам, конечно, надоело мотаться, ночевать чёрт знает где, и упускать такой шанс очень глупо.

– А что скажут, ну... те, с кем ты живёшь? Родители там или...

Элла невозмутимо дёрнула плечом.

– Да я с Юлькой живу. Мы с ней квартиру снимаем. Вдвоём дешевле же получается. А она вряд ли возражать будет. Сама когда-то из дома смылась.

Глава 2. Девочка-лисичка

Впервые очутившись в городе, Фил, поправляя перекинутый через плечо ремень сумки, самоуверенно подумал: «И зачем брал вещи? Дело-то пустяковое, много времени не займёт».

Адрес он прекрасно знает, поэтому необходимо всего лишь отыскать нужный дом и квартиру, убедиться, что не ошибся – это уже чистая формальность, и действовать. Но первый прохожий, к которому Фил обратился с вопросом, понятия не имел, где находится названная ему улица и, тем более, как до неё добраться.

Второй, кстати, тоже. Но он оказался весьма сострадательным и находчивым, догадался влезть в интернет в своём смартфоне, посмотреть карту и определить оптимальный маршрут. Вариантов получилось много: автобус, троллейбус, трамвай, да ещё и с непременно пересадкой. Но и с этим Фил справился без проблем.

Почти целый день он проторчал во дворе, надеясь увидеть тех, кого надо. И не увидел. Хотя народ бесконечно сновал мимо. Днём, в рабочее время, поменьше, зато вечером – целая толпа. Любого пола, любого возраста и очень разнообразной внешности. Но всё не то.

Неужели успели прошмыгнуть, пока Фил ненадолго отлучался? Вот невезуха. И почему он не умеет раздваиваться?

Надо будет потом проработать вопрос. Вдруг найдётся закливание ему по силам.

Эх, жалко, раньше не догадался. Но расстраиваться он не собирается. Лучше подумает, где переночевать.

Можно, конечно, шикануть, пока позволяют средства, и поискать гостиницу. Но кто ж Филя пустит одного, несовершеннолетнего? И значит, со всеми удобствами не получится. Что делать?

Спальный район, окраина, новостройки, и ни единого приличного заброшенного здания, только неприглядные руины на пустыре. Бетонные сваи, недоделанные перекрытия. Какой-то скелет древнего пресмыкающегося, а не дом. Что в нём, что на улице – даже от ветра не защитит.

За пустырём начинаются заросли, которые постепенно переходят то ли в парк, то ли в лес. Явно не самое безопасное и благополучное местечко.

Вырыть нору или забраться на дерево? Или что там обычно в подобных случаях в книжках предлагают?

Влезть в пустующую квартиру? А здесь есть такие? Почти в каждом окошке горит свет.

Ночь не по-настоящему тёмная – к небу поднимается жёлтое сияние, словно гигантский светляк сидит на земле, и светит, светит, светит. Так всегда в городе. Окна, фонари, прожекторы на стройке. Только за пустырём, среди деревьев, прячется настоящая тьма. И ещё что-то. Кажется, подходящее.

Фил двинулся по неширокой земляной дорожке, не очень-то утрамбованной. Наверное, в дожди её развозит до липкой грязи. Но сейчас – нормально, даже удобно. Мягко, неслышно. Почти по-звериному.

Ага, он не ошибся. Остатки деревянного забора и несколько домов, одноэтажных, стареньких. Видимо, когда-то здесь была деревня, а потом её почти целиком снесли, освободив место под новые многоэтажки.

Пойдёт.

Настил крыльца скрипнул и чуть просел у Филадельфии под ногами. Окно было забито фанерой и досками, но дверь не заперта. Даже слегка приоткрыта, будто кто-то маленький и тоненький просочился в щель. Сквозняк, например.

Людей в доме нет, хотя всё равно тревожно. И хочешь – не хочешь, а напряжённо ловишь каждый посторонний звук.

А вот в комнате окно не забито, в нём даже стекло есть, почти целое. И уличный свет проникает. Не слишком много, но достаточно, чтобы не врезаться во что-нибудь. А во что врезаться, между прочим, есть.

В новую жизнь с новыми вещами! А старые пусть останутся в прошлом, в деревенском доме без удобств. Не вписываются они в современный интерьер, выглядят слишком убого. Стол, вроде бы ручной работы, продавленное кресло и громоздкая металлическая кровать с пружинной сеткой, выгнутой вниз.

Ух, экзотика! Фил первый раз такую видит вживую.

И, возможно, где-нибудь даже найдётся, что постелить на эти антикварные пружины.

Фил швырнул на них сумку. Получился такой жалобный «блямс» с долгим отзвуком, словно у органа, и сразу следом – громкий шорох. Фил чуть не подскочил, напрягся, быстрым взглядом прошёлся по комнате.

Под столом вспыхнули два зелёных огонька.

Зверь! Кошка или собака. Кто-то небольшой и, скорее всего, неопасный. Сам боится, жмётся к стене.

А чего тогда фары включил? Выбирался бы потихоньку, у Фила за спиной, пока пела кровать. Но, может, так и было. Только до дверей проскочить не успел, Фил услышал.

– Да не бойся. Не трону я тебя. Хочешь – уматывай, а хочешь – оставайся. Места хватит.

Кажется, все-таки собачонка. Для кошки великовата. Длинный носик, большие стоячие ушки, пышный хвост.

Нет. Лиса.

Лиса? В городе?

Хотя лес-то тут рядом. Или парк, но весьма дремучий. Но зачем она к домам-то сунулась? Точнее, прямо в дом.

Фил у неё так и спросил:

– И что ты здесь делаешь?

Как будто она могла ответить.

Лисичка принюхивалась – пушистенькая такая, симпатичная, — вылезла из-под стола, подошла к Филу.

Дура доверчивая. А полагают, что лисы жутко хитрые.

Фил присел, но дотронуться не решился – вдруг испугается – протянул ладонь. Типа: «Привет, зверь! Будем знакомы». Лисичка ткнула носом в кончики пальцев, потом отодвинулась назад и...

Фил обалдело уселся на пол. Не был бы сам магом, наверняка бы ещё и заорал.

Всего мгновение, и вместо лисички уже девочка. Застыла на корточках, пронзительно смотрит на Филадельфию.

– Я здесь живу, – голос тихий и нежный. В смысле, хрупкий какой-то, будто может сломаться от неудачного прикосновения.

– А... ну... я, вообще-то, не рассчитывал на ответ, – Фил пришёл в себя, почувствовал прежнюю уверенность.

Он присмотрелся к девочке внимательнее, насколько темнота позволяла: лицо узкое, подбородок острый, шея тоненькая, как стебелёк. Скорее даже не лисичка, а цыплёнок. Щелчком дух вышибешь.

– А ты почему обернулась? Не убежала? – спросил строго. – Ведь ты же меня не знаешь. Мало ли кем я могу быть.

– Ты тоже... – она нерешительно умолкла, и Фил, не дожидаясь, продолжил сам:

– Ну да, маг. Но маги разные бывают.

Девочка виновато опустила глаза.

– А я не знаю. Я первый раз встретила такого... – опять на недолго замолчала, будто боялась обидеть, проговорила: – как я.

Ну ясно. Тяжело, когда рядом нет человека, который мог бы тебя понять, мог бы тебе объяснить, что происходит. С которым можно спокойно поговорить о том, о чём не поговоришь с остальными. Вот она и открылась первому же подобному.

Пока поднимался с пола, Фил поинтересовался:

– Как тебя зовут-то?

– Инга.

Вот так имечко!

– А меня – Филипп. Можно Фил.

Она кивнула послушно. Фил направился к кровати, хотел взять сумку.

– А почему ты здесь-то живёшь? У тебя что, дома нет? – дёрнул за ремень, да так и застыл от её ответа.

– Меня мама выгнала. Сказала, что я – ведьма. Что от меня одни проблемы, – Инга говорила спокойно, без обиды, без надрыва, словно произнесённые ею фразы звучали правильно и справедливо. – И вообще она думает, что я ей не родная. Что меня подменили. Она же сама – нормальная.

Нормальная? Это называется «нормальная»? Выгнать из дома дочь. Да ещё такую, похожую на беззащитного трогательного щенка.

– Но раньше же она тебя как-то терпела?

Инга не отвела взгляда, объяснила честно и почти безучастно:

– Она себе нового мужа нашла. Боялась, если он узнает,

какая я, то сразу уйдёт.

Вот уж тут Фил не нашёлся, что сказать. Приличного, во всяком случае.

У него родители тоже своеобразные, но совсем в другом отношении. Постоянно спорят, переругиваются беззлобно, разбегаются, потом опять сбегаются. И делают это легко и бесппроблемно, словно нормальная семейная жизнь именно такой и должна быть по их разумению. И Филадельфия подобное ничуть не напрягает. Он на сто процентов уверен, что родители никогда окончательно не расстанутся, перебесятся и успокоятся со временем. С ними, конечно, не соскучишься. А без них – очень даже.

– Как же ты живёшь здесь одна?

Фил тоже весьма самостоятельный, но тылы-то у него крепкие: и дом, и мама с папой. А Инге, если что, и обратиться не к кому. И она наивно доверилась первому встречному.

– Я обычно лисой. В человека редко превращаюсь.

Уважающий себя маг сказал бы «оборачиваюсь».

– Почему?

– Так проще. И не холодно.

На Инге джинсы, кеды и трикотажная кофта. Под кофтой, возможно, ещё что-то есть. Футболка, например, или рубашка. И, похоже, всё. Ничего, что оказалось бы потеплее. А на дворе уже осень в самом разгаре.

Спрашивать: «О чём думала твоя мать, когда из дома вы-

гоняла?» бессмысленно. Рядом со словом «выгоняла» вряд ли уместным окажется слово «думала».

– Есть хочешь?

Ещё один бессмысленный вопрос. Нетрудно и самому догадаться, как на него ответит девчонка, у которой даже нужных вещей нет, не то что денег.

Фил выудил из сумки упаковку сдобных булочек с начинкой, пакет чипсов и бутылку воды.

– Ешь.

– А ты?

– Я не хочу. Уже наелся.

Опять глянула пронзительно. Глаза у неё светлые, будто прозрачные. Голубые или серые, сейчас не разобрать. Зато хорошо читается выражение во взгляде – не поверила. Почестному разделила булочки, их как раз две оказалось в упаковке, притащила откуда-то щербатый стеклянный стакан, а чипсы брали по очереди из пакета.

Ну, не совсем по очереди. Фил старательно делал вид, что любит их есть не торопясь, подолгу смакуя каждый.

– А ты почему здесь? – осторожно поинтересовалась Инга.

Вид у Фила весьма благополучный, никак не вяжется с ночёвкой в заброшенном доме.

– Так получилось.

Он не боится рассказывать правду Инге. Просто не надо. Его проблемы не слишком приятные, но вполне разрешимые. Не то что у неё.

– Ты не заморачивайся. Со мной всё в порядке.

Фил обвёл взглядом комнату.

– А ты где спишь? На кровати?

Он не станет претендовать на хозяйское место. Но Инга возразила:

– Нет. Я обычно лисой.

– Серьёзно?

– Мне так удобней, – она уже говорила что-то похожее, а теперь замерла неподвижно посреди комнаты.

– Ну, тогда я там, – Фил двинулся к кровати, уселся.

Сетка прогнулась ещё больше, пружины противно забренчали и основательно впечатались в одно место.

– Не! – Фил торопливо поднялся, потянул за собой сумку.

– Лучше я тоже на полу, – обречённо сообщил уже лисичке.

Устроился на боку, сумку – под голову. Но глаза не закрывались, упрямо пялились в темноту.

Лисичка стояла всё на том же месте, потом подошла нерешительно. Но не слишком близко. Прилегла, свернулась клубком.

– Да ладно. Чего уж там? – негромко произнёс Фил. То ли ей, то ли себе.

Он протянул руку, зацепил лисичку ладонью – пальцы ощутили и биение сердца, и трепет дыхания – аккуратно придвинул к груди. Она не воспротивилась, распрямилась немного, прильнула доверчиво.

– Так же теплее. Правда?

Глава 3. Всемирное общество филантропов

Утром Фил проснулся первым. Некогда ему разлёживаться, да и неудобно на полу спать. Жёстко. Бок уже ноет.

Шевельнулся и разбудил лисичку. Не хотел. Пусть бы она спала.

Лисичка, не удержавшись, зевнула, открыв узкую розовую пасть. Фил тоже не удержался, но не зевнул, а улыбнулся.

– Обернёшься?

Он точно не знал, зачем попросил. Наверное, захотел поговорить: вдруг она что-нибудь полезное знает. А сам долго молчал, смотрел.

Фил думал, Инга рыженькая. Лисичка ведь. А у неё волосы почти белые. Светло-светло золотистые, хотя и с рыжиной немножко. И брови светлые, почти незаметные, и ресницы. А глаза – серые. Угадал. Кожа бледная, словно Инга не человек, а фарфоровая статуэтка: покачнётся от неумелого касания, упадёт и разобьётся на мелкие осколки.

Но нет, она настоящая. И не такая уж хрупкая, как кажется. Живёт же одна, почти в лесу, и не жалуется.

Инга смутилась под его слишком пристальным взглядом, отвернулась, отодвинулась в сторону. Фил пробормотал растерянно:

– Мне уходить надо. А ты... – хотел узнать, останется ли она здесь или вернётся опять вечером, но спросил о другом: – А тебе здесь точно другие маги не попадались?

– Здесь – нет, – уголки девичьих губ дрогнули, словно попытались обозначить улыбку. – Что им здесь делать? А к домам я не хожу.

Остановилась, не стала договаривать, но Фил сам за неё продолжил: что мне там делать?

Действительно, что?

Появление в городе лисички вызовет ненужный ажиотаж. А до девчонки, даже одетой не по погоде, никому нет дела. А если и есть, то совсем не тем.

– Так ты всё время тут?

– Угу, – Инга кивнула. – Или в доме, или в лесопарке.

– И, если я вечером вернусь, ты тоже будешь? – всё-таки решился, спросил.

Ну... когда не совсем один, гораздо же легче. Поэтому и обрадовался ответу:

– Буду.

И опять Фил проторчал во дворе зря, кого ждал, не увидел. Или прозевал. Мысли другим заняты были. А когда зашёл в магазин, ограничился не только булочками и чипсами.

Потом он вернулся во двор: раз днём профилонил, нужно постоять подольше. Они же не маленькие, не в девять спать ложатся, может, ещё погулять выйдут. Но выходили в основном хозяева собак – выгуливать своих питомцев. И поздно

возвращавшиеся были, но опять не те.

Фил хмыкнул досадливо и отправился туда, к самой окраине, к неблагонадёжным зарослям и заброшенным домам. Вошёл в комнату, ожидая сразу увидеть сидящую на полу лисичку или, как в первый раз, зелёные огоньки глаз, но было пусто. И сразу стало не по себе, сразу родились тревожные мысли: вдруг что-то случилось?

Ещё не успев развернуться, Фил уже шагнул к дверям. Хотя понятия не имел, куда бежать, где искать: в лес? на улицы? на пустырь? Но услышал тихое цоканье за спиной: коготки по твёрдому полу.

– Ты? Где ты была?

Инга мотнула головой.

– В соседней комнате.

– О! – выдохнул Фил смущённо. – А я... я поесть принёс.

На этот раз наворачивали бутерброды, и они казались вкусными, как никогда. Фил даже удивился. Колбаса как колбаса, хлеб как хлеб. Ничего же особенного.

Хорошо бы ещё чаю горячего. Но где его здесь взять?

Можно, конечно, сходить в кафе. С Ингой. Пусть хоть раз поест по-человечески. Ведь не лиса же она на самом деле, не лиса! Чтобы всё время бегать на четырёх лапах. Чтобы спать на полу, свернувшись клубком и накрыв мордочку хвостом. Чтобы жить в лесу, по-звериному.

– Ты правда туда не ходишь? – Фил махнул рукой в сторону жилых домов.

– Раньше ходила, – объяснила Инга просто. – А теперь холодно в одной кофте. А лисой нормально. Только ведь туда лисой не пойдёшь.

– Ну да. Это точно.

С утра Фил опять отправился на пост. Торчал, торчал, то в одном месте двора, то в другом, чтобы не слишком отсвечивать. И на горке посидел, и в фанерном домике, изображавшем избушку на курьих ножках, даже покачался немного. Но опять мимо.

Фил жутко разозлился, решительно направился в сторону подъезда.

Никого нет дома, так ещё лучше. Он больше ждать не будет. А если что, выкрутится как-нибудь.

Фил позвонил и, кажется, скорчил жуткую гримасу, но когда услышал тяжёлые шаги за дверью, решительность вылетела наружу вместе со слишком глубоким выдохом. А когда дверь открылась, Фил окончательно утратил уверенность.

Перед ним стоял мужчина, в годах уже, с залысинами и огромным пузом. Чтобы увидеть собственные ступни, ему, наверное, приходилось задирать ногу. Хотя с этим движением наверняка тоже возникали проблемы.

Полминуты Фил и толстяк удивлённо пялились друг на друга, толстяк сдался первым.

– Тебе чего? – поинтересовался не слишком приветливо, но без раздражения.

– Вы здесь живёте? – ничего лучше Фил не придумал.

– Теперь я, – невозмутимо сообщил толстяк.

Теперь! Ну хоть чуть-чуть проясняется.

– А я...

Что ж так туго соображается?

– Мне родственники этот адрес дали и сказали, чтобы приезжал. А получается, они больше здесь не живут?

– Ну, видимо, – согласился толстяк. – Мы здесь всего вторую неделю. Кто раньше жил, не знаю.

– Совсем?

– Отчасти, – сострил толстяк. – Конечно, совсем. Что ж я должен, всех предыдущих жильцов наизусть выучить?

– А...

Фил сник по-настоящему – абсолютно не знал, что ему дальше делать. Разочарование и досада насмерть задавили все мысли – ни одна не шевельнётся.

Даже толстяк прочувствовал это.

– Может, хозяйка квартиры знает? Должна знать. Я тебе её номер дам.

Номер? И куда Филу его приспособить? Выучить наизусть и повторять, как заговор на удачу?

– У меня телефона нет.

Толстяк вздохнул сочувственно, приоткрыл рот. Видимо, хотел закончить разговор покаянной фразой: «Извини, но ничем больше помочь не могу».

– А вы...

Была ни была! Мама ведь не зря поражается необычно-

венному умению Фила, несмотря на то, что ему уже четырнадцать и ростом он не уступает взрослому мужчине, включить детскую невинность и преданную доверчивость во взгляде, способные растопить самое чёрствое сердце. И мама сама время от времени на этот трюк покупается, хоть и редко.

– Вы не можете ей позвонить? Пожалуйста.

– Ну ты, пацан... – качнул головой толстяк, но то ли настроение у него было такое добродушное, то ли он состоял во всемирном обществе филантропов... – Ладно. Сейчас.

Сходил за мобильником, отыскал нужный номер.

Фил внимательно вслушивался в произносимые толстяком слова.

– Добрый вечер, Надежда Марковна.

Имя такое многообещающее – Надежда.

– Я тут просто хотел насчёт бывших жильцов уточнить. Зачем? Ну... они кое-что забыли забрать, отдать хотел.

Находчивый мужик.

– Ага, понятно. Ну тогда ладно. Извините за беспокойство. До свидания.

– Что? – не утерпел Фил.

– Куда они переехали – не в курсе. А номер телефона уже удалила, чтоб память ненужным не засорять. Только сказала, что до нас тут парень с девушкой жили.

– Это я знаю, – потерянно проговорил Фил.

Толстяк ещё раз сочувственно вздохнул и всё-таки произнёс:

– Извини. Ничем больше помочь не могу. Возвращайся домой.

Фил согласно кивнул. Да не всё ли равно, какие жесты? Нельзя ему домой ни с чем. Нельзя.

Не сказав «спасибо», он развернулся и зашагал вниз по лестнице. Но толстяк и не ждал благодарности. Дверь хлопнула ещё раньше.

И что теперь? Рыскать по городу с верой в случайную встречу? Вдруг судьба смилостивится? А если они вообще уехали куда-то в другое место? На другой конец страны.

Нет. Фил бы знал.

Здесь они где-то. Здесь. И другого выхода нет, кроме как рыскать, прочёсывать квартал за кварталом. Он должен найти. А пока...

Когда Фил вернулся в заброшенный дом, Инга ждала в человеческом облике.

Зря она. Мало ли кто мог прийти, а лисичка прошмыгнёт незаметно – только её и видели. Да ещё и замёрзла, кажется. Съёжилась, обхватила себя за плечи.

– Держи!

Фил вытащил содержимое из сумки, бросил ей прямо в руки.

– Это что?

Будто сама не видит.

– Куртка. Тебе.

Не из бутика, конечно, из дешёвого магазина. Наколдо-

вывать деньги Фил ещё не научился, да и вряд ли когда научится. Может, конечно, заморочить, и вместо купюры подсунуть бумажку, но это уже на крайний случай. Тут лучше по-честному.

Инга медлила, держала подарок в руках. В глазах – замешательство.

– Да ладно тебе. Одевай.

Не сразу, но она послушалась, натянула куртку, но не стала застёгиваться, плотно запахла полы, уткнулась острым подбородком в меховую оторочку капюшона.

Шкура неизвестного зверя – плюшевого чебурашки.

А было бы лучше, если б натуральная? Лиса, например.

– Спасибо.

– Ага, – откликнулся Фил мимоходом. – Теперь можешь идти, куда захочешь.

– А я никуда не хочу, – произнесла Инга тихонько, губами по-прежнему в капюшон.

– А я хочу. Мне очень надо. И лучше с тобой. Достало в одиночку.

Глава 4. Здравствуй, мама!

– Тебе лет-то сколько? – поинтересовалась Элла.

Когда ещё продолжить допрос, как ни в дороге...

– Четырнадцать, – отчитался Фил. – Паспорт показывать?

– Зачем? – изумилась Элла, и Фил выдал с глубокомысленным видом:

– Чтобы сразу снять большую часть вопросов.

– А покажешь? – Элла хитро прищурилась.

– Ещё чего! – воскликнул Фил возмущённо, потом спросил сам: – А тебе – восемнадцать?

– Да! – Элла опять изумилась: – И как определил?

– Никак. Наобум ляпнул.

А если честно, выглядит она школьницей, особенно на фоне фигуристой Юли. Но Фил об этом говорить не стал.

Мудрый потому что.

Ехать никуда не пришлось, до дома они добрались пешком, поднялись на лифте на какой-то там этаж. Фил внимания не обратил.

Квартира как квартира: комнаты маленькие, словно клетки для хомячков, зато кухня большая. Даже диван на ней уместился.

Мудрый потому что.

Ехать никуда не пришлось, до дома они добрались пешком, поднялись на лифте на какой-то там этаж. Фил внимания не обратил.

Квартира как квартира: комнаты маленькие, словно клетки для хомячков, зато кухня большая. Даже диван на ней уместился.

Мудрый потому что.

Квартира как квартира: комнаты маленькие, словно клетки для хомячков, зато кухня большая. Даже диван на ней уместился.

Мудрый потому что.

Квартира как квартира: комнаты маленькие, словно клетки для хомячков, зато кухня большая. Даже диван на ней уместился.

Мудрый потому что.

Квартира как квартира: комнаты маленькие, словно клетки для хомячков, зато кухня большая. Даже диван на ней уместился.

Мудрый потому что.

На данной части фразы Фил гордо хмыкнул.

– ...То хотя бы просто затолкай в неё вещи.

Она оценивающе пронаблюдала, как Фил вешает на крючок куртку, и когда тот её пристроил и шагнул в сторону, невозмутимо произнесла:

– Кстати, куртку постирать тоже бы не помешало.

– А как же я без куртки? – нахмурился тот, и Элла объяснила, опять невозмутимо:

– До завтра высохнет. Или ты ещё куда сегодня собираешься?

Фил задумался.

Инга будет ждать, конечно. Но он заранее её предупредил, что может не вернуться. Не совсем не вернуться, а только на одну ночь, или на две. А потом всё равно, обязательно.

– Не собираюсь.

– Так! А я-то чего разделась? – внезапно опомнилась Элла. – Юлька же сказала, что надо в магазин сходить. – Она вернулась к вешалке, оглянулась на Фила. – В общем, ты тут сам. Ванная вон, – указала рукой в нужном направлении, оделась торопливо, подхватила сумку и умчалась.

И оставила почти незнакомого человека с сомнительной репутацией одного в своей квартире. Да-а-а!

Мысли о ванной действительно казались самыми привлекательными в данный момент. Не привык Фил к вольной жизни, домашняя гораздо приятней. Зря он не уговорил Ингу поехать вместе с ним.

Она сторонилась людей, предпочитала отсиживаться в лесопарке или в заброшенном доме, пока Фил мотался по городу. Неужели всё сильнее дичала, всё больше становилась зверем, основную часть времени проводя в лисьем обличье? Нет. Скорее всего, боялась, что каждый встречный без труда определит в ней анимага и поведёт себя точно так же, как её мать: отшатнётся, осудит, прогонит. И никак не хотела понять, что большинство завидовать будет её умению.

Когда удавалось вытащить Ингу «в люди», так и приходилось почти всё время тянуть её за руку. Она шла рядом, но чуть сзади, словно пряталась за Фила. Глаза опущены. Стыдилась сама себя.

Ну и мамаша у неё. Зараза. «Ведьма! Подмениш!» Саму её подменили. Вместо жабы случайно сделали человеком. Это ж надо было внушить дочке, что та уродец, нелюдь, ничтожество. И всё почему? Променяла.

– Ну ты чего? Никто на тебя даже и не смотрит. И вообще – ты со мной.

Может, Фил и не выглядит могуче и внушительно. Всего лишь пацан, хоть и очень высокий, но тощий, и физиономия ещё по-детски нежная, и глазки миленькие (copyright – мама). Но он – маг, довольно способный, местами даже необъяснимо.

Справится. С чем угодно. Так что не робей, лисичка!

Если людей вокруг было мало, Инга чувствовала себя уверенней. Хорошо, что днём большинство на работе и в шко-

ле, улицы почти пустые. И тогда девочка, как трогательная черепашка, высовывалась из панциря.

Через какое-то время Инга, возможно, и совсем бы от него отказалась, если б не те придурки, что однажды случайно попались навстречу.

Вряд ли они были старше Фила и вряд ли привлекли бы его внимание, если бы не оказались поблизости. А тут – трудно не заметить, когда ржут нарочито громко, когда пялятся прицельно, а, значит, говорят о тебе и смеются над тобой.

Парни поравнялись с Филом и Ингой, но не остановились, обогнули с разных сторон. Двое прошли возле Инги, один – мимо Фила. Хотя нет, не совсем мимо. Чувствительно задел плечом и оттопыренным локтем.

Фил пережил. Напрягся, стиснул зубы, но пережил.

Шёл бы один, тогда другое дело: не задумываясь, принял бы вызов. Даже несмотря на то, что их трое.

Драк Фил не боялся. Неплохо был подготовлен, учителя ему опытные достались, строгие, умелые и придирчивые. В какой-то мере даже безжалостные. Иначе – никак.

А те трое подумали, что он испугался, обрадовались, заранее восторжествовали. Один схватил за руку Ингу.

Она дёрнулась, рот страдальчески искривился, глаза от страха стали почти совсем бесцветными, словно прозрачные стёклышки. А этого Фил уже не смог стерпеть.

Заводился он быстро. Но сначала всё-таки попросил похорошему, чтобы отвалили, пока целы. Понятно, что бес-

смысленно, но хоть совесть очистил.

Ему, конечно, тоже перепало. Отвлёкся, слишком озабочившись тем, как смотрится со стороны, поймал удар точно носом. Кровь брызнула, но и всё. А те на самом деле пожалели, что связались.

Фил повернулся к Инге, прижимавшейся к стене дома.

– Пойдём!

Она не шевельнулась. Тогда Фил осторожно ухватил её за ладонь, потянул за собой.

– Пойдём!

– У тебя кровь.

А у самой губы белые, и смотрит так, будто это ей больно.

– Я знаю. Ерунда. Сейчас пройдёт.

Фил бы к вечеру забыл о случившемся, но Инга – нет, крепко запомнила, и стала говорить, что лучше она в доме останется или в лесопарк отправится и будет ждать, пока он по своим загадочным делам ходит. Упёрлась, не убедишь. Неужели думает, что это исключительно из-за неё к ним прицепились?

Но, может, и хорошо, что сегодня её с Филом не было. Вдруг бы Элла не столь сильно прониклась сочувствием, повстречав сразу двух подростков, голодных, бездомных и подозрительных.

Элла! Ну надо же! Придумала ведь.

Время в ванной не ощущалось. Наверное, оно незаметно растворялось в объёмах тёплой пенной воды, исчезало, как

отражение в запотевшем зеркале, вместе с одеждой беззаботно кувыркалось в барабане стиральной машины. Элла успела вернуться из магазина, а, возможно, и ещё чего-нибудь успела, потому что внезапно раздался короткий стук в дверь и голос, не столько встревоженный, сколько по-доброму насмешливый:

– Ты там не утонул?

– Я сейчас выйду, – пообещал Фил, но из-за двери донеслось благосклонное:

– Да ладно, не торопись. Это я на всякий случай проверила.

Потом ужинали, и пока Элла соображала, как выведать у Фила причины его побега и почему он упрямо не желает возвращаться домой, тот сам начал интересоваться.

– А давно ты с Юлей эту квартиру снимаешь?

– Не очень, – ответила Элла. – Месяца два, наверное. Или чуть меньше.

– А раньше вы тоже вдвоём жили?

Элла недоуменно уставилась на Фила.

– А тебе-то почему это интересно? Хочешь мою биографию подробно изучить? Проверить на благонадёжность? Думаешь, я маньяк-убийца, заманивающая к себе домой несчастных бродяжек?

Фил торопливо отправил в рот вилку с очередной порцией макарон, тщательно прожевал и только потом произнёс:

– Да мне не интересно. Просто я поддерживаю культур-

ную беседу.

Элла поджала губы. Или, точнее, скривила критично.

– А ты действительно сам из дома сбежал? Не выгнали?

Пока нет, а что будет дальше, невозможно предугадать. Фил не обладает даром предвидения. Если исходить из опыта – поймут и простят.

На ночь Филу достался диван на кухне. Он и не сомневался. Сначала блаженствовал, вновь переживая почти забытые ощущения. Нормальная постель, мягкая, уютная, подушка, одеяло. И можно раздеться перед сном, а не напяливать практически всю имеющуюся одежду, чтобы не задубеть на полу в холодном доме, при разбитом окне. Может, оттого и заснуть долго не мог: непривычно в комфорте. Или мысли мешали?

Слишком много мыслей, забот, нерешённых вопросов. Фил отгонял их, отбивался, чтобы хоть на несколько часов оставили в покое, и всё-таки уснул, обхватив рукой подушку. Но посреди ночи кто-то рубил свет.

Фил недовольно поморщился, попытался натянуть одеяло на голову, но тут раздался вопль. Потом хлопнула дверь, и зазвучал взволнованный голос Эллы:

– Юль! Что случилось?

Оставив в покое одеяло, Фил приоткрыл глаза. Элла торчала в дверях кухни, а над ним сурово возвышалась красавица Юлия. И вовсе она не выглядела испуганной, скорее, бесконечно возмущённой.

– И здесь он! – Юля гневно воззрилась на Эллу. – Мы же вроде договаривались: никаких парней сюда не водить. Если только пока другой нет дома.

Элла тоже вознегодовала:

– Юль! Ты в своём уме? Какой парень? Он ещё ребёнок.

Фил обиженно насупился, но на него даже не смотрели.

– И вообще, это... мой брат, – чуть запнувшись, выдала Элла. – Двоюродный.

– Ага, – поддакнула Юля и красочно расписала: – Приехал из глухой деревни вкусить городской жизни.

Фил насупился ещё сильнее. Знала бы она, откуда он приехал на самом деле!

– Да только городом ошибся, – наконец-то повернулась в его сторону Юля. – В нашем и вкушать-то особо нечего.

– А я и не собираюсь ничего вкушать, – буркнул Фил. Для остроумного ответа он ещё недостаточно проснулся.

Юля снисходительно глянула на него, потом опять обратилась к Элле.

– Предупреждать надо заранее о подобных вещах. Это ж не тот сюрприз, который непременно понравится.

Элла не смутилась.

– А тебя чего на кухню-то понесло?

– Ну да, – опять поддакнула Юля, поджала губы критично.

– Утром спросонья я бы ему больше обрадовалась.

Махнула на Фила рукой, подошла к холодильнику, что-то достала из него.

– Спокойной ночи, брат двоюродный, – произнесла она, выходя, выключила свет.

Утром Фил оделся в чистое. Тоже жутко приятно. В коридоре столкнулся с Юлей. Она шла с закрытыми глазами. Почти как зомби, только очень привлекательный.

Юля едва не налетела на него, немного приоткрыла один глаз, вздохнула разочарованно.

– Ну надо же! А я надеялась – приснился. – Поинтересовалась: – А Элка уже умчалась?

– Не знаю, – пожал плечами Фил. – Сам только что встал.
– Тогда иди, чайник включи, – распорядилась Юля. – И постель за собой прибери. И...

Не иначе, сослепу приняла Фила за Золушку.

К завтраку она так окончательно и не проснулась, медитировала с чашкой кофе, отрешённая, расслабленная, и Фил не стал упускать возможность.

– Давно ты Элли знаешь?

– Неа, – задумчиво выдала Юля. – Мы с ней на работе познакомились. А потом договорились вместе квартиру снимать.

– А где она раньше жила?

– Без понятия.

– А она одна была, когда вы познакомились?

Юля озадачилась и ещё чуть-чуть проснулась.

– В каком смысле одна?

Фил передумал, задал другой вопрос:

– Она всегда такая рыжая?

Тут Юля окончательно пришла в себя.

– То есть? Ты о чём сейчас? – пробудившиеся мысли выстраивались у неё одна за другой нескончаемой цепочкой.
– И зачем ты про Элку спрашиваешь? Запал, что ли, на неё?

Фил чуть не захлебнулся кофе.

– Так подрасти сначала.

– Я не... – Фил кашлянул, прочистил горло. – Мы же родственники.

– И Элкины родители отправили тебя к ней проследить, достойно ли она себя ведёт? – додумала Юля.

– Нет, – возразил Фил. – У меня тут своё дело.

Юля пренебрежительно фыркнула.

– Деловой! Ну ладно. Я скоро уйду. А ты что собираешься делать?

– Тоже уйду, – сообщил Фил.

– Насовсем? – прищурилась Юля. – Или как?

– Как получится.

Хотя Фил прекрасно знал, что точно не насовсем. Он ещё не сделал то, ради чего здесь появился.

Когда выходил из квартиры, Фил увидел на гвоздике в прихожей ключ, опробовал на замке входной двери – подходит. Прихватил с собой. И теперь уже он как следует запомнил и этаж, и номер дома, и название улицы, а после отыскал остановку городского транспорта, изучил табличку со спис-

ком автобусов и троллейбусов.

Ага. «Восьмёрка» ему подойдёт. На ней Фил добирался в самый первый раз.

Лисичка ждала его в доме, пряталась в дальней комнате, и не возмутилась, не упрекнула.

Когда Фил соберётся уходить отсюда, совсем уходить, возьмёт её с собой. Что будет дальше, неизвестно, но не бросать же одну. И здесь ей всё равно делать нечего. Никто не хватится, никто не забеспокоится – никому не нужна.

Опять ему пришлось спать на полу, хотя — ну-у-у — так не хотелось. Фил пытался представить, что он в кровати, но не получалось. Слишком жёстко и холодно. Зато лисичка рядом – тёплая, пушистая, живая.

Может, утром решительно взять её за руку, не спрашивая, хочет или не хочет, и привести в квартиру к девушкам? Не выгонят же, наверное? А если скажут, что места больше нет, уж лучше Фил уйдёт, а Инга останется.

Элла всех примет. Но вот Юлия...

Изведёт же своими цепляниями и подколками. А Инга и без того от людей шарахается.

Фил так и не решил ничего, но пообещал вернуться вечером.

В квартире его встретила сердитая Элла.

– Мог бы и предупредить, что на ночь не явишься.

– Тебя же дома не было, когда я уходил.

А мог бы просто сказать: «Не твоё дело!» или «С чего ты

взяла, что я у вас собираюсь жить? Не договаривались!». Но сумку-то он оставил, а, значит, в планах было возвращение. И, конечно, Элла волновалась, когда наступила ночь, а Фил не пришёл, но он так до сих пор и не научился раздваиваться. Ничего не поделаешь.

– Ну и где ты болтался столько времени?

Опять подошло бы идеально: «Не твоё дело!», но...

Короче, другого способа выяснить нет. И Фил, вместо того, чтобы ответить или повиниться, спросил сам:

– А Элла – это от Габриэллы?

У Эллы глаза широко распахнулись. Растерялась, но сумела принять невинно-недоумённый вид.

– С чего ты взял?

И опять Фил ответил вопросом на вопрос:

– А полностью – Александра Габриэлла Выгоцкая?

Элла сжала губы, уставилась на Фила настороженно и пристально, но возражать и отказываться не стала.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... меня зовут Филипп... Выгоцкий.

И вновь глаза у Эллы ошарашенно распахнулись. Или лучше называть её не Элла, а более привычно для неё и для всех? Алика. Хотя Фил, в отличие от остальных, всегда называл её по-другому.

– Не знала, что есть ещё Выгоцкие, – озадаченно пробормотала Алика. – Ты кто? Может, ты мне действительно двоюродный брат?

Она усмехнулась, а Фил произнёс:

– Нет! Я – твой сын.

– Мой... кто?

Глава 5. Родительский долг и детские шалости

Вот так вот просто. Великая волшебница Алика опять жила среди обычных людей, забывая о своём даре – без надобности он тут – и работала в сетевой кафешке.

Скучно. После того, что случилось, очень скучно. И будничное размеренное спокойствие ничуть не радовало. Угнетало. Когда единственная цель в жизни – не привлекать ненужного внимания, вечно оставаться незаметной, волком выть хочется.

Работа, которая обязательно требует всегда быть доброжелательной и приветливой, квартира, снимаемая вместе с новой знакомой Юлей. И всё.

Ричард?

С Ричардом они не ужились. Не получилось. Потому что ничто так удачно не подходило для определения их отношений, как расхожее словосочетание «всё сложно». Многозначительное и бессмысленное одновременно. А ведь казалось, Книга Петра объединила их навечно, но в реальности общее дело сближало только до определённых границ.

Друзья. И не более. И пусть официального запрета не существовало, они же сами должны прекрасно понимать: любовь добавит ненужных проблем.

Ревность, недоверие, обиды, ненависть. Из-за них чего только не натворишь сгоряча, а, живя вместе, труднее сдерживать чувства. Потому и разбежались. Точнее, Ричард ушёл. Хотя перед этим всё-таки успели нарушить запрет, оттого и расстались нехорошо.

Не в том смысле, что со скандалом и ссорой, но с обидой и со злостью. Во всяком случае, со стороны Алики.

Она сменила место жительства, работу и даже номер телефона.

Счастливо оставаться!

Теперь ни Ричард понятия не имел, где она, ни она, где Ричард. И, наверное, к лучшему. Он же сам говорил, что так для него безопасней, и для неё тоже. Потому что она хорошо умеет быть незаметной, а когда одна, это лучше получается.

Из старых контактов остался единственный – Милка. Со званивались иногда. Алика однообразно докладывала, что у неё всё отлично, что по-прежнему живёт в замке. Милкины рассказы оказывались куда красочней, эмоциональней и интересней. А однажды она сообщила, что Аликой интересовался математик Максим Петрович... И сразу нахлынуло множество чувств.

В первую очередь упала огромная гора с плеч. Отец в порядке, выбрался из дурацкой пустыни, куда отправила его неблагодарная дочь, и наверняка Тамару с собой прихватил. А ещё очень хотелось верить, что он спрашивает об Алике лишь потому, что искренне беспокоится, как там она. Без

всяких задних мыслей.

– Передай ему, что у меня всё хорошо, – попросила Алика подругу, подумала немного: – И ещё передай... что я прошу прощения.

– За что? – конечно же, сразу полюбопытствовала Милка. И удивилась тоже.

– Он знает, – коротко ответила Алика.

Не очень удачно она выбрала фразу. В продолжение как бы звучало: «А тебе знать не обязательно!». Милка, похоже, так и восприняла, потому что молчала.

– Мил! – виновато протянула Алика. – Ну просто не слишком приятный момент. Не хочется вспоминать. Но в целом, так, ерунда.

Ага. Обоюдное предательство, обман, подлость.

– Мы случайно встретились во время каникул, и я повела себя не очень.

Только туману ещё больше напустила и раздражила любопытство. Но Милка не стала выяснять подробности. Может, обиделась.

Безрадостный получился разговор. Захотелось наплевать на всё, на осторожность, на опасность, на разумность, и укачать туда, к замечательным соседям Гордеенко. С ними лучше складывалось, чем со всеми родными и близкими.

Кстати, о родных.

Вдруг объявился Фил. Совершенно случайно попался на пути и сразу почему-то заинтересовал и пробудил сочув-

ствие.

Алика предполагала, это оттого, что среди нынешних знакомых он оказался единственным волшебником. Может, судьба именно потому и свела их: притянуло подобное к подобному. И Фил сразу продемонстрировал свои необычные способности. И они оказались такими же, как у Алики, поэтому на неё не подействовали, но помогли понять, что перед ней не обычный человек.

Но сам Фил предложил другое объяснение.

– Я – твой сын.

– Мой... кто?

Конечно, она обалдела от его заявления, долго не могла прийти в себя. Мозг отказался соображать и анализировать, и Алика просто озадаченно твердила про себя: «мой сын, мой сын»!

– Что за бред ты несёшь? Тебе четырнадцать, мне восемнадцать. Какой сын?

– Будущий, – невозмутимо выдал Фил. – Пока я ещё не родился.

Алика оглядела его с головы до ног. Живой, настоящий, можно даже не тыкать для проверки. А фантом бы она сразу определила.

– Что-то не слишком похоже, что ты ещё не родился.

– Просто я из будущего.

Просто? Воистину незамысловатое объяснение!

– Ни разу ничего не слышала о реальной возможности пе-

ремещений во времени.

Хотя сама она скорее гость в магическом мире. Посвящена только в одну его тайну и в минимум существующих способностей.

– Так всё же могло измениться, – разумно напомнил Фил.

Магия, как и всё прочее, тоже эволюционирует, раздвигает пределы нынешних ограничений.

– И что, ты вот так запросто можешь возвращаться в прошлое? И вообще попадать в любое время?

– Нет, – Фил коротко вздохнул. – Случайно получилось.

– Как это?

– Ну... – Фил виновато насупился. – Нашёл дома какой-то странный предмет... или механизм. Не знаю, как точно сказать. Хотел разобраться, что это, а меня выкинуло сюда. Я даже не понял сначала, что в прошлое. Думал, всего лишь перенёсся в другое место. – Он, ища поддержки, вопросительно глянул на Алику. – Что такое возможно, ты же точно знаешь? – Дождался её подтверждающего кивка. – А теперь не представляю, как мне назад вернуться.

Вот это история! И что самое интересное, Алика в неё, кажется, верит. Но не до конца.

– То, что тебе маскирующая магия знакома, я уже поняла. А как с пространственной?

Маскирующая магия – не редкость. Хотя то, что она Алике в комплекте досталась, против законов природы. А если ещё и Фил владеет двумя видами магии...

Владеет. Он доказал это любимым Аликиным приёмом «доставать, не сходя с места». Им он вообще хорошо владел, в самом широком смысле.

Алика уселась на диван. Стоя подобное не принять. Посидела, посидела, подумала и вдруг спохватилась.

– А когда ты родился? То есть... родишься.

Фил нахально ухмыльнулся.

– Да не волнуйся. Не в этом году. И не в следующем.

Алика с силой выдохнула. Для успокоения.

– Ты действительно мой сын?

– До сих пор не веришь? – обиделся Фил. – Почему?

– Ты же жив.

Он озадачился.

– В смысле?

Алика честно призналась:

– Давно бы прибила такого.

Фил довольно улыбнулся:

– Ты точно моя мама.

Сумасшествие какое-то. Алика недавно отметила совершеннолетие, но юный переросток уже называет её мамой. Она закрыла лицо руками, спросила в щель между ладонями:

– А кто твой отец?

– Потом узнаешь. Неинтересно же заранее.

Не просто юный переросток. Наглый юный переросток. Наверняка, сейчас опять ухмыляется.

– Значит, ты тут, а я там, в будущем, с ума схожу?

Недаром, услышав о побеге Фила из дома, Алика моментально подумала о страдающих родителях.

– Всё-таки хорошо, что меня именно сюда забросило, – разглагольствовал Фил, пока Алика наводила порядок в мыслях и чувствах. – Я даже твой прежний адрес знал. Но тебя там уже не было. Я стал искать. И нашёл. Ты же сможешь мне вернуться?

Типа, у тебя же прямая заинтересованность.

– Как? Я не знаю никого, кто разбирался бы во временной магии. Да я совсем никого не знаю.

– Правда? – Фил расстроился, разочаровался, но потом оживился. – А у меня ведь она с собой. Та штука, которая меня сюда перенесла.

Он умчался в прихожую за своей сумкой, вернулся через минуту, что-то неся в ладонях, протянул Алике. Она взяла осторожно, посмотрела удивлённо.

Небольшая капсула: пластиковая или стеклянная. А может, из какого-то другого особого материала. Овальная, слегка напоминающая яйцо, и прозрачная. Внутри механизм: шестерёнки, пружинки, валики, рычаги. На часы похоже, только остановившиеся. Ничто не движется, не вращается, не шевелится. Но такое чувство, будто только и ждёт, чтобы заработать. Не хватает лишь малости: нужного жеста или слова, но Алике не знакомо ни то, ни другое.

– Ни разу не видела ничего подобного.

Что неудивительно. Из волшебных предметов Алике по-
падалась только книга Выгоцких о пространственной магии
да медальон Ричардовой прабабушки, который колдовской
силой сама Алика и надела.

– А что ты сделал, чтобы он сработал?

– Да ничего вроде особенного не делал, – Фил с недоуме-
нием пожал плечами. – Рассматривал, крутил в руках. Как
думаешь, в семейной книге может какая-нибудь информа-
ция об этом быть?

Алика сначала опять насторожилась: откуда он знает? По-
том дошло. Фил же тоже Выгоцкий. Законный наследник.
Может, Алика читала её сыночку с рождения на сон гряду-
щий вместо милых детских сказочек.

Сыночку! Как же принять этот факт? Но то, что Фил знает
про книгу, ещё одно доказательство правдивости его слов.

– Она ведь у тебя?

– У меня, – подтвердила Алика.

И можно в очередной раз проверить, настоящий ли Фил
Выгоцкий. Семейную книгу не обманешь. Откроет ли она
свою истинную сущность в его руках?

Алика отправилась в свою комнату, и Фил спокойненько
потопал следом. Старый потрепанный томик валялся на пол-
ке, пылился за ненадобностью. Там же в коробочке со вся-
кой мелкой ерундой лежал магический медальон. Алика его
давно уже не надевала. Зачем?

– Доставай! – Алика указала Филу на полку.

Тот послушно потянулся, ухватил книгу запросто, без всякого благоговейного трепета. Причём держал так, что сразу становилось понятно: он прекрасно знает о преобразении. О том, что изменятся толщина, размер и вес. Поэтому не стоит крепко сжимать или цепляться за самые краешки – уронишь.

Книга признала Фила, начала изменяться в его руках. Он многозначительно поглядел на Алику, словно хотел сказать: «Вот видишь! Я самый настоящий Выгоцкий. А ты всё сомневаешься».

Ну Выгоцкий. Ну и что?

Общая фамилия совсем не означает, что он именно Аликин сын. Может, он внебрачное дитя дяди Вальтера, о существовании которого тот мог и не подозревать. Всякое в жизни бывает.

Вдвоём тщательно штудировали книгу, потом Фил один, пока Алика возилась на кухне. И безрезультатно. Про пространственные порталы написано много всего, а про перемещения во времени даже не упоминалось ни разу. Как будто бесконечная гордыня пространства начисто игнорировала постоянно навязываемое ему ещё одно измерение.

Потом Алика завалилась спать на пару часиков. Ей сегодня работать в ночную смену. Фил сказал, что пойдёт прогуляется, заверил, что к ночи вернётся, а глаза честные-честные. Врёт.

Интересно, куда он ходит?

Глава 6. Я тебя не оставлю

Когда передвигаешься на четырёх лапах, мир выглядит по-другому. Он не только видим, слышим и наполнен запахами, он ещё более осязаем. При каждом движении. И не надо специально протягивать руку, чтобы до чего-то дотронуться. Каждый шаг – это прикосновение. К шершавой неровности почвы, к колкой ершистости засохшей травы, к гладкой холодности опавших листьев.

И небо гораздо дальше, и деревья ещё горделивее возносятся вверх, и дома выглядят невероятно громоздкими и тяжёлыми, если смотришь на них с высоты роста маленькой лисички. И неприкаянная бесприютная жизнь уже не кажется столь ужасной и неправильной. Ведь для лисы дом – клетка, а каждодневная зависимость от других – тягость. Ей подстраиваться ни под кого не надо, только под изменения погоды. Но уж от этого никуда не денешься, природа сильнее всех.

Уже и не тянуло превращаться в девочку, хотя ещё и жила привычка проводить ночь под крышей, темнота леса немного пугала. Но и это прошло бы со временем. И, возможно, Инга совсем бы забыла, как надо превращаться. Навсегда бы осталась зверем. Сама по себе. Окончательно свыклась бы с животным образом жизни, приняла то, против чего человеческая сущность долго сопротивлялась. Но тут появился

Фил. На счастье или на беду?

Был бы нормальный человек, Инге и в голову не пришло бы открывать перед ним свою истинную суть. Но чутьё почти сразу подсказало: не просто человек, маг. Такой же, как она. Инга знала, что волшебники существуют. Она не могла родиться ни с того ни с сего со странной способностью к оборотничеству.

И всё равно, реальность магии воспринималось где-то за пределами настоящего мира. Параллельное измерение, другая планета. А она одна такая на всей земле, заброшенная случайностью не в тот мир. Проклятая. Ведьма.

Невероятно, что они встретились. Вот так запросто. В очень неподходящем для особенных встреч месте – в заброшенном деревенском доме между городом и лесопарком. Будто на границе двух сущностей.

Инга удивилась, очень-очень. Растерялась, смутилась, встревожилась. Захотела поверить в то, что не безнадежно отвержена. Мальчик не походил на неуверенного и несчастного, скорее наоборот, гордился своей особенной силой и очень полагался на неё. И Инге пытался внушить: это не проклятие, не напасть, это замечательный дар. Редкий дар. Завидный.

Ну да, без него бы Инга вряд ли выжила, когда оказалась на улице. Или жила так, что даже мысли о возможности подобного казались жуткими и отвратительными. Но ведь, не будь она колдуньей, мать и не выгнала бы её из дома.

Всё-таки лисицей быть легче. Жизнь гораздо проще, всего две заботы: найти еду и не попасться на глаза людям.

Лисичка бежала по лесопарку. Осенью, когда земля тоже становится оранжево-жёлтой от засыхающей травы и опавшей, но ещё не сгнившей листвы, её почти не заметно. Быстро мелькает среди тёмных стволов, словно очередной гонимый ветром огромный лист. До заброшенного дома уже недалеко, а Фил обещал прийти вечером.

Всё больше попадается раскидистых кустарников, и широкие просветы между деревьев открываются всё чаще. Выскочила на полянку, по краям заросшую высокими злаками с золотистыми прямыми стеблями, с несколькими молоденькими берёзками на небольшом холмике, и остановилась.

На середине полянки, где трава покороче и всё ещё мягкая и зелёная, расположилась собачья стая. Шесть или семь псов, самой разной масти, от бледно-песочной до серо-коричневой. Только один поменьше, с отвисшими ушами и кудрым хвостом. Какое-то собачье недоразумение. Остальные огромные – для лисички, мордатые, хотя и поджарые, чересчур длинноногие.

Не почуяла заранее, сторона наветренная. Но, наверное, и не страшно. Они такие же бездомные звери. Нечего им делить.

Собак Инга никогда не боялась. Наоборот, любила. Просила у мамы. Ведь жили в частном доме со своим двором. У соседей у многих были собаки. У кого-то даже козы, куры,

кролики. Но мама не соглашалась. Лень возиться. Да и деньги лишние придётся на кормёжку тратить. Это ж не кошка, мышей и птичек себе не наловит, а скорее всего пойдёт искать пропитание в соседских курятниках.

Да и не опасается доченька, что собака на неё накинется, как на дикую зверушку?

Нет, ещё ни одна не накидывалась. Наоборот, животные чувствовали к Инге какое-то особое расположение. И эти псы, наверняка, не тронут, пропустят как свою. Но на всякий случай, лисичка всё-таки отступила назад, решила обогнуть полянку по краю.

Серый лохматый пёс, напоминающий сразу и овчарку, и волка, вскинул голову, уставился на лисичку. А за ним, как по команде, остальные. Поднялся неторопливо, вроде бы. Но всё тело напряжено, почти до дрожи, уши прижаты. Мгновение, и стремительно сорвётся, и остальные опять дружно повторят за ним. Взгляды жёсткие, злые, голодные.

Лисичка всё поняла, сжалась в комок, резко распрямилась спущенной пружиной, опередила на миг. Но, может, у собак так и заведено: первое движение за дичью, а уж они подхватят, а потом нагонят и опередят.

Металась между деревьев. Ни мыслей, ни чувств, один страх. Человеческое сознание совсем отключилось, голый звериный инстинкт. Он спасёт. Или нет? Потому что на самом-то деле она – человек.

Гнали молча, без лая, сосредоточенные на цели. Лишь

иногда повизгивали или рыкали от безжалостного азарта.

Умные. Суровая жизнь научила. Не все сзади, а растянулись поперечной цепочкой, заходили с разных сторон. Чтобы окружить, отрезать пути.

Лапы сами вынесли к остаткам деревни. А серый вожак уже нагонял, ещё пара скачков и...

Лисичка подлетела к самому первому дому, юркнула в дыру под крыльцо. Хорошо, что сознание само напомнило о ней. И не зря внимательно изучала здесь каждый дом, искала самые укромные места. Пригодилось. Хотя сначала и не поверила, что проскочила, не застряла – уж больно маленьким казалось отверстие.

Она забилась в дальний угол, припала к земле. Ловушка или спасение?

В дыру просунулась серая морда. Слюнявая губа вздёрнулась, обнажая крупные зубы. Лай сотряс воздух, разочарованный, не принимающий поражение. Оглушил, стиснул в перепуганный комок.

Остальные псы вторили вожаку старательно, обозлённые неудачей. Остервенело тыкались в доски крыльца, пытались тоже протиснуть головы в дыру. Но она и для одного-то мала.

Зубы звонко лязгали, но дотянуться не могли. А запах-то совсем сильный, раззадоривал всё больше, не позволял смириться с мыслью, что можно сдать и уйти ни с чем. А потом морда убралась. Сунулась было другая, рыжая, со старым шрамом возле носа, но тоже быстро исчезла. Зато по-

явились лапы и принялись рыть землю. Быстро, нетерпеливо.

Вот и всё. Прокопают дыру побольше, протиснется хотя бы один, и конец лисичке.

Она зажмурила глаза. Не как зверь. Как девчонка.

И опять псы действовали молча, без лая. Только тяжёлое дыхание и пофыркивание, когда земля попадала в нос. А потом раздались громкое рычание и визг. И лай, но совсем другой, с примесью страха. И лисичка даже сквозь закрытые веки ощутила, что под крыльцом стало светлее. Ничто больше не загоразивало дыру.

Опять лай, рычание, отчаянный визг, с которым убегают, поджав хвост. Шелест шагов по земле, хруст веток. Тишина. И вдруг голос:

– Инга! Ты там? Не бойся, выходи. Это я. Фил.

Мог бы и не говорить, она с первого звука узнала, но сдвинуться с места не смогла, словно превратилась в камень.

– Инга!

Лисичка пошевелилась, снова почувствовала собственное тело. Лапы непослушно подгибались, но кое-как выползла. Распрямилась, одновременно оборачиваясь.

Он же говорил, что правильно называть надо именно так.

– Инга!

Она ещё не успела выпрямиться, а Фил уже схватил её,

притиснул к себе, почти не осознавая движения. Чтобы почувствовать всем существом, что она рядом, что она жива.

Жива. Даже одежда не мешала ощущать, как бьётся её сердце, как мелко вздрагивает Инга под его руками. Плачет, уткнувшись лицом в холодную ткань куртки. Неслышно. Звуки выходят дрожью.

Фил провёл ладонью по светло-золотистым волосам, обхватил тонкую шею. Сам прижался подбородком к макушке и шептал что-то успокоительное, не воспринимая собственные слова.

«Не бойся. Всё закончилось. Всё хорошо. Я с тобой». Ну, наверное, так.

Очень захотелось увидеть её лицо. Инга будто догадалась. Или сама захотела того же? Чуть отстранилась, запрокинула голову.

Светлые брови, тоже золотистые, и ресницы — слиплись от слёз. Глаза, блестящие влагой, какие-то нереально глубокие.

Последняя слезинка набухла в уголке и скользнула по щеке вниз, к губам. А губы бледные, сухие. На нижней тонкая трещинка.

Фил не удержался, наклонился, прикоснулся к ним.

Правда, сухие, но и мягкие одновременно. А ещё горячие. Дрогнули, доверчиво приоткрываясь.

А потом:

– Я тебя больше не оставлю здесь.

– Но у тебя же тоже нет дома.

– У меня нет, но... у меня есть... – как же её правильно назвать, чтобы не встревожить Ингу ещё больше? – хорошая знакомая. Отведу тебя к ней.

– Нет! – прозвучало в ответ тихо, но твёрдо.

– Почему?

– Я не могу. Как так? Просто прийти. Просто посторонняя. А если она не пустит? А если ещё и тебе за меня достанется? Скажет, привёл тут... – сначала выдавала скороговоркой, а потом вдруг умолкла, не решаясь продолжить.

– Не скажет. И пустит, – пообещал Фил самоуверенно и добавил: – А достанется мне от неё в любом случае.

Не сейчас, так в будущем. Собственно, уже доставалось. Как же по жизни без подобного между матерью и ребёнком?

– Вот видишь, – Инга виновато опустила глаза.

Не время Фил выбрал шутить. Кто за язык дёргал?

– Я ничего плохого не имел в виду. Неудачно выразился. Ничего со мной не случится.

Как же убедить, не вдаваясь в лишние подробности, чтобы избежать долгих и странных объяснений? Очень странных, которые легко принять за бред сумасшедшего, которые только насторожат, а не успокоят.

– Ну нельзя же вот так жить одной на улице. Даже лисой опасно. Ты же сама понимаешь. Неважно, где – в городе или в лесу.

– Я не знаю. Я боюсь, – наконец-то Инга назвала честно

самую главную причину.

– Ну ладно, – Фил решил не настаивать. – Всё равно она сейчас на работе. А между делом о таком не разговаривают.

Вроде Инга уже не возражает, а за ночь ещё больше свыкнется с его правотой, с неотвратимостью его намерений.

Неужели ей так нравится жить тут, в заброшенном доме, спать на полу, вечно бегать на четырёх лапах? Это же время от времени интересно оборачиваться зверем, прекрасно осознавая, что в любой момент можешь опять стать человеком. И утром первым делом Фил спросил, не дожидаясь превращения, прямо у лисы:

– Ну что, идём?

Лисичка не торопилась оборачиваться и отвечать, отодвинулась, глядя в сторону. Фил даже обиделся слегка.

– Нарочно, да? Не хочешь говорить?

Инга всё-таки обернулась, но по-прежнему смотрела в сторону и молчала.

– Опять думаешь, что тебя не пустят? Посчитают за ведьму? Испугаются того, что ты оборачиваешься лисой? Да та... ну знакомая... очень хорошо к анимагам относится. Даже слишком. Она тоже волшебница. И ведьма, если хочешь. Сама себя так иногда называет.

Чересчур самоуверенно, конечно. Нынешнюю Алику Фил не так хорошо знает, говорит в основном о той, будущей. А если она и правда не пустит Ингу? Скажет: «Не слишком ли ты, сынок, обнаглел? Ещё не родился, а уже девушек ко мне

в дом ведёшь!».

– Знаешь, что? Ты сиди здесь и никуда не выходи. Совсем никуда. А я съезжу за ней и приведу сюда. И она сама подтвердит, что заберёт тебя к себе.

Он говорил громко и убедительно, почти кричал, потому что сам не до конца верил, что получится. Особенно вот так легко и просто: приведу, подтвердит, заберёт.

Но он уговорит, во что бы то ни стало уговорит. Ну Фил же знает её, знает свою маму. И не важно, сколько ей лет: восемнадцать или гораздо больше. Она ведь, подловив Филадельфию на краже, не сдала его, а, не раздумывая, привела к себе. И поверила. Во всё.

Фил закусил губу.

Она и Ингу устроит, и от грозной Юли её защитит. Всего ж на несколько дней, а потом...

– Только отсюда ни ногой. Поняла?

Инга послушно кивнула, но так ничего и не сказала. Фил сделал шаг к ней, остановился, внимательно заглянул в глаза.

Нет. После.

– Я быстро.

И ринулся к выходу.

Глава 7. Чистильщик

Он называл себя Чистильщиком, и считал эту свою ипостась самой главной. В этом его истинное предназначение, смысл жизни; работа, дом, семья – не столь важно,. И дело вовсе не в том, что он терпеть не мог грязь и дышащие смрадом помойки, окурки и очистки, бросаемые прямо под ноги. Хотя всё перечисленное он тоже ненавидел, брезгливо морщился и отводил глаза. Но безучастно проходил мимо.

Сам он очищал город совсем от другого. От живого мусора. От бродячих собак и кошек, этих мохнатых паразитов, переносчиков всякой заразы, от надоедливо громких и нахальных ворон, и от попадающихся на каждом шагу «крылатых крыс» – голубей.

Человек имеет приоритетное право проживать в безопасной среде, и, если власти не могут позаботиться об этом, а точнее, не хотят, Чистильщик возьмёт на себя эту миссию. Кто-то же должен заниматься подобным.

Особенно нетерпимо он относился к собакам. Даже домашним. Потому что они гадили где попало, а заботливые хозяева делали вид, что это в порядке вещей: ничего страшного, естественное к естественному. Но связываться с хозяевами Чистильщик не хотел. Тем более некоторые из них выглядели ещё похлеще своих волкодавов. А вот бездомным спуску не давал. Он же должен обезопасить себя и близких.

Уже сколько случаев было, когда дикая свора насмерть загрызала случайно попавшихся ей на дороге прохожих. Чаще всего детей.

Чистильщик не оставлял без внимания ни одного происшествия, тщательно собирал сведения обо всех подобных случаях.

На набережной бездомный пёс гнался за велосипедистом и тяпнул того за ногу. Возле автостоянки припозднившегося владельца машины облаяла стая собак. И ещё множество похожих случаев.

Хотя не всем пострадавшим можно доверять. Иногда такое порасскажут. То ли от страха привидится, то ли просто захочется придать своему рассказу значительности и трагичности.

Совсем недавно какие-то психи убеждали, что встретили в лесопарке настоящее чудовище. Устроились отдохнуть на природе (Чистильщик уже сам догадался, что без бутылки не обошлось), сидели, никого не трогали, и вдруг из зарослей прямо на них выскочил зверь. Огромный, не меньше человека, жуткий, со страшными клыками в пасти. Ага. И с глазами размером с чайные блюдца.

Прямо собака Баскервилей, а они — английские сэры. Алкаши. Немногим лучше четвероногих паразитов.

А вот это уже правда. Опять случай в лесопарке. Стая бродячих псов погналась за двенадцатилетним подростком. Непонятно, конечно, зачем мальчика туда понесло и куда его

родители смотрели. Мог бы и без собак найти неприятностей на одно место.

Повезло бедолаге, что люди его заметили, отбили у стаи. А ведь псы уже успели его повалить, рвали одежду, да и покусали прилично. И алкашей, скорее всего, напугал кто-то из этой своры. Просто глаза уже успели залить, вот и помешалось чёрт знает что. А парнишке по-настоящему досталось. Но дело дальше возмущённых разговоров не пошло. А диким только дай волю! Только разреши хотя бы раз почувствовать себя хозяевами.

Ничего! Чистильщик с ними разберётся. Для разрешения подобных ситуаций у него найдётся отличный аргумент. Специально купил у знакомого умельца. На основе промышленной модели, но сильно модернизированный, с увеличенной мощностью, с интегрированным глушителем и калибром, рассчитанным не только на то, чтобы ворон бить. А главное, достаточно компактный, можно спокойно таскать в небольшой спортивной сумке. Винтовку так не спрячешь, сразу бросится в глаза. К тому же стрелять из пистолета удобно даже не выходя из машины.

На дело Чистильщик отправлялся обычно поздним утром, когда на улицах меньше всего народу. Взрослые на работе, дети в школах. Чистильщику не нужны свидетели, он привык действовать незаметно и скромно. Да и нечего детишкам на такое смотреть.

Наверное, ночь многим показалась бы тут более подходя-

щей, но только не Чистильщику. И видимость сильно ограничена, и слишком тихо, любой звук слышен издалека. Да и бродящий в темноте по пустырям и дворам одинокий человек легко вызовет ненужные подозрения.

Вот и на этот раз Чистильщик выбрал своё любимое время. Хотя в лесопарке людей всегда не слишком много. Есть обустроенные местечки, которые любят бегуны и велосипедисты, а есть совсем глухие места, которые все обходят стороной. Например, за большим пустырьём, там, где раньше была деревня. Сейчас от неё осталось лишь несколько домов.

Дикие стаи любят такие места: пустыри, перелески, заброшенное жильё.

Чистильщик оставил машину на обочине дороги, надел сумку через плечо, чтобы не мешала, не занимала рук, и зашагал напрямик через пустырь, внимательно поглядывая по сторонам. На заброшенной стройке он никого не нашёл и решил в первую очередь проверить оставшиеся деревянные домишки. Там и теплее, и непогода не страшна, а собаки тоже не дураки. Особенно эти, бродячие.

В первом доме пусто. Ветер гуляет по комнатам, залетая сквозь выбитые окна и выломанную дверь. Чистильщик направился к следующему. Этот выглядел чуть приличней: и дверь на месте, и окна, если и без стёкол, то довольно плотно заколочены фанерой.

Доски крыльца просели под ногами. Чистильщику даже показалось: сейчас не выдержат и треснут. Но ничего, обо-

шлось. Распахнул дверь. Заходил осторожно, выставив перед собой пистолет. Словно боец группы захвата. Не хотелось, чтобы неожиданно выскочили навстречу и набросились.

Не набросились, попробовали тихонько улизнуть, почти припав к полу. Одинокая трусливая собачонка.

Нет, не собачонка. Лиса. Самая настоящая.

А эта что здесь делает? Зараза лесная.

Что лисы – главные переносчики бешенства, Чистильщик прекрасно знал. Жуткая болезнь. Даже самого послушного питомца превратит в агрессивную неуправляемую тварь.

А если бродячие псы эту гадость подцепят? Представьте стаю обезумевших собак. Ещё не хватало!

Чистильщик торопливо выскочил назад на крыльцо. Лиса удирала со всех лап, только пятки сверкали. В сторону леса, конечно. И Чистильщик не стал дожидаться. Выстрелил.

Лисичку подбросило, швырнуло в сторону. Она упала, но лежала лишь несколько мгновений, потом рывком поднялась, побежала дальше, запинаясь и припадая на задние лапы. Чистильщик торопливо дошёл до того места, где зверька настигла пуля.

Крови много, и дальше ведёт пока ещё чёткий след из ярко-красных пятен.

Догонять не стал. Пусть побеждает. Недолго ей осталось, всё равно подохнет.

А нечего в город ходить. Сидела бы у себя в чаше. Чистильщик и не предполагал, что в лесопарке могут водить-

ся лисы. Да, пожалуй, это – единственная, и та ненадолго. От силы час протянет. И от своры бродячих скоро ничего не останется.

Найти бы только, где же они прячутся.

Перед последним домом Чистильщик обнаружил ключья шерсти. Дрались, что ли? Но самих собак не видно.

Чистильщик прошёл по краю, потом углубился в заросли, пересёк пару полянок. По тропинке уходил всё дальше и дальше. А есть ли смысл? Зачем псам забираться в глушь? Им бы поближе к домам, к помойкам.

Только Чистильщик решил повернуть назад и вдруг – зажёк движение вдалеке между деревьями. Спешно направился туда, но остановился на полдороге, закаменел.

Возле дерева стоял зверь. Огромный, метра под два. Чистильщик рост по тому определил, что зверь стоял на задних лапах. А одной из передних опирался о ствол.

Да и правильно ли называть их лапами? Почти ноги, почти руки. Но когти звериные. Длинные, острые. Шерсть серая, клокастая. На спине особенно густая. Словно гребень вдоль хребта. Уши треугольные, остроконечные. Дрогнули, поймали звук, и зверь повернулся в сторону Чистильщика.

Лучше б не поворачивался.

Морда жуткая, не совсем звериная. Нос какой-то приплюснутый и широкий, хотя пасть вытянутая. Но зубы в ней не умещаются, выступают наружу. Взгляд впился в Чистильщика, пронзительный, безумный. Так и гипнотизирует, не

оторваться.

Лапа-рука скользнула вниз по стволу, кора сошла стружкой, задетая когтями. Зверь опустился на четыре конечности, и шагнул. Прямиком к Чистильщику.

Пальцы безвольно разжались, пистолет выпал на землю. Да Чистильщик и забыл про него. Ощутил себя беспомощным, беззащитным. А зверь сделал ещё шаг. Ветка хрустнула под лапой. Тоже почти как выстрел.

От резкого звука Чистильщик вздрогнул, вспомнил, что он не просто перепуганное сознание. Ноги у него есть.

Он попятился, молниеносно развернулся, рванул с места. Опомнился, лишь когда выскочил из лесопарка на шоссе. Заметался по сторонам, не зная, куда идти дальше, не в состоянии понять, в какой стороне оставил машину. Перебежал через шоссе, перескочил через неширокую канавку и по небольшому газону подбежал к домам, завернул за угол, нырнул во двор – отдышаться, прийти в себя. И понять: кого же он встретил в лесу?

Глава 8. Лес хранит свои тайны

Только недавно Алике исполнилось восемнадцать, а у неё уже взрослый сын. К тому же влюблённый.

Эй, судьба! Что ты там ещё приготовила? Какие безумные фантазии планируешь воплотить в жизнь?

Алика воздела глаза к потолку, но там кроме люстры никаких высших инстанций не обнаружила.

Напрасно она пеняла на бесцветную размеренную жизнь. Скучно ей, видите ли. Допросилась?

Нет, нет, впредь никаких претензий. Что дано, тем она и будет довольствоваться.

Алика уронила голову на сложенные на столе руки. На напряжённо плящущегося на неё Фила она смотреть не могла. А тот ещё сурово произнёс:

– Мам.

Алика застонала.

– Фил, ну пожалуйста. Только не это. Какая «мама»? У нас с тобой разница в четыре года. Не пугай меня раньше времени.

– А как тогда?

– По имени. Да как угодно. Только не...

– Ладно, – пообещал сыночек послушно, понимая, что сейчас лучше вести себя паинькой.

Хоть один вопрос можно легко решить. А что делать со

всем остальным?

Нет, мальчик – молодец, конечно. Нашёл себе достойную пару, девочку-анимага. Но уж лучше бы влюбился в какую-нибудь отличницу из соседнего подъезда. У той хоть жилплощадь есть, а у девочки-анимага только мамаша-змея.

Нельзя её оставлять на улице. Тут – без вопросов. Но Юлька устроит скандал и ещё заставит Алику платить три четверти от суммы за съёмную квартиру. И кормить всех надо, а Алика и одна не жирует на свою зарплату.

– Фил, ты ещё не родился, а от тебя уже одни проблемы, – попыталась воззвать к справедливости Алика. – И почему ты к отцу своему не подался, меня осчастливил?

– Я не знаю, где он живёт, – разумно заметил Фил. – Да и тебя-то случайно встретил. Значит, судьба.

В кого он такой ехидный? Сама Алика существо крайне милое и доброжелательное, а этот...

Ещё и добавил:

– И не рассчитывай, что случайно проговорюсь, кто он. Неинтересно же всё знать наперёд.

– Всё и не обязательно, – торопливо заверила Алика. – А вот это можно. – Но сразу же передумала сама. – Или правда не стоит. Предчувствую, тут ты меня не порадуешь.

Фил улыбнулся, трогательно так, с ностальгией и нежностью.

– Ты и потом точно такой же будешь.

– Да? – Алика разочарованно поморщилась. – А я-то на-

деялась, что стану ещё красивее. Или хотя бы мудрее. – Поднялась со вздохом. – Ладно. Пойдём. Где там она, твоя личичка?

Фил подскочил с места, обрадовался, смутился – всё одновременно. Алика почувствовала себя сразу лет на десять старше.

Пожалуй, мудрости у неё достаточно. Глупости тоже. Всё уравновешено и гармонизировано. Идеально.

Пока шли мимо заброшенной стройки через пустырь, Алика удивлённо осматривалась по сторонам. Это куда же занесло двух юных искателей приключений? Она бы сама в здравом уме ни за что бы сюда не полезла. Вид нескольких заброшенных домов на краю лесопарка тоже не успокоил.

– И вы здесь жили почти целый месяц?

– Она – дольше.

С ума сойти! И ещё сильнее захотелось поскорее отыскать девочку и увезти её из этого места. Пусть Юлька бухтит сколько влезет. Она должна понять, и поймёт.

Фил задержался на крыльце, нахмурился, засуетился, рванул в дом.

– Инга! Мы пришли, – нетерпеливо крикнул с порога. – Ты где?

Алика вслед за ним вошла в комнату, скользнула взглядом по обстановке, сразу увидела и большую металлическую кровать, и стол. И никаких признаков, что здесь кто-то жил, только одинокий стакан на столе, но он мог тоже остаться

от прежних хозяев. Зачем увозить с собой всякую старую дрянь?

Фил метался по дому, звал, потом растерянно остановился возле Алики.

– Здесь кто-то ещё был?

– С чего ты взял?

– Знаю. Просто знаю, – крикнул он сердито, но Алика и не думала обижаться. Она тоже начала волноваться и беспокоиться.

– Пойдём заглянем в другой дом, – предложила миролюбиво. – Если приходил кто-то посторонний, наверняка, она перепряталась.

Но и оставшиеся два дома встретили тишиной и пустотой.

Возле ближайшего к лесу Алика заметила клочья шерсти, остановилась.

– Это...

– Это собачья, – безучастно пояснил Фил и двинулся дальше в заросли. – Инга! – заорал во всё горло.

– Фил, стой! – Алика нагнала его, схватила за локоть. – Смысл носиться по лесу? Давай подождём её здесь. Она убежала, спряталась, потом успокоится и сама вернётся.

Он посмотрел непонимающе, словно услышал Аликины слова, а про что они, не понял. Или понял, но ни за что не собирался соглашаться.

– Нет! Я не смогу просто сидеть и ждать.

– Ну хорошо! – согласилась Алика. – Пойдём. Куда ты хо-

чешь?

Фил двинулся по тропинке. Та вывела назад из лесопарка, и дальше тянулась вдоль по его краю. Фил прошёл по ней немного, потом опять устремился в заросли. Алика еле успевала за ним.

Ну что он мечется? Ведь самое разумное: подождать девочку в доме. Она же прекрасно знает, где её прежде всего будут искать.

У Алики сегодня выходной, сможет хоть до ночи здесь торчать. Если что, даже и ночью. В лесу она уже ночевала. Почему бы не обогатить опыт: заночевать ещё и в заброшенном доме?

Ах, да. И такое уже было в Аликиной беспокойной жизни. Умирающая деревня среди лесов. Только пятеро ненормальных, плюс старик-отшельник. Так не привыкать.

Алика послушно топала за Филом и даже объяснять ему больше ничего не пыталась. В конце концов, сам поймёт, успокоится.

Выскочили на полянку и даже не сразу поняли, что они здесь не одни. С другой стороны вышел человек. Мужчина. Не очень молодой, невысокий, одетый не по погоде. Не нём не было ни куртки, ни пальто. Зато было кое-что ещё, по чему Алика узнала человека раньше, чем по фигуре и даже по лицу.

– Павел?

Фил застыл на месте от её неожиданного, полного удив-

ления вскрика. И мужчина застыл, посмотрел пристально, с настороженным недоумением.

– А! – Алика едва не хлопнула себя по лбу, наклонила голову, чтобы не слишком демонстративно, сама увидела, как свесившиеся на лицо пышные рыжие пряди выпрямились и потемнели.

Вот! Теперь она стала сама собой.

– Оу, – у Филя глаза чуть округлились. Хотя сам владел маскирующей магией и прекрасно представлял, как реально должна выглядеть Алика. И Павел удивился.

– Александра?

– Ну да, я! А ты... – она растерялась, не знала, о чём спрашивать в первую очередь. Хотелось сразу обо всем.

Как Павел выбрался из замка? Где дядя Вальтер? Что случилось после того, как Алика с Ричардом ушли сквозь портал? И что Павел делает здесь? И почему на нём его боевая перевязь, а у пояса – мощная булава с шипами.

– Не знаю я, чем всё закончилось, – хмуро произнёс Павел. – Когда вернулся, там уже тишина была. Всё разворочено. Даже Нины с Кларой в потайной комнате уже не было. И родственники мои уехать успели.

– Откуда вернулся? – озадачилась Алика.

– Оттуда, куда меня Вальтер отправил, – пояснил Павел, и вид у него был не слишком довольный. – Даже не спросил. Даже знака никакого не подал. Просто создал портал под ногами.

Алика смущённо хмыкнула, почему-то почувствовала себя тоже виноватой.

– Нарочно забросил куда подальше. Место мне совсем незнакомое. Чтобы я подольше выбирался. И что с ним самим, тоже понятия не имею. Искал, но безрезультатно. Никто ничего не слышал, не знает. Но и мёртвым его точно никто не видел.

Алику передёрнуло при слове «мёртвый», а Павел его спокойно произнёс. Наверное, верил, что к Вальтеру его никак его отнести нельзя.

Фил внимательно слушал, знакомился с семейной историей, с интересом поглядывал на Павла. А тот так же сосредоточенно присматривался к Филу, хотя не пытался узнать, кто он. Не сомневался в порядочности и благонадёжности Аликиных знакомых.

– Павел, а ты тут лису не видел?

– Лису? Нет, – отрицательно мотнул головой Павел. – Здесь ещё и лисы водятся?

– Да она не совсем лиса, – вмешался Фил. – Она анимаг.

Павел многозначительно взглянул на Алику. Кажется, тоже хотел задать вопрос, но та опередила:

– А ты-то что здесь делаешь? – указала на перевязь. – В таком виде?

– Заказ выполняю.

– В смысле?

Фил и Алика изумлённо уставились на Павла. Даже пред-

положить не могли, о чём думать. Но Павел казался не слишком уверенным. Непривычно его таким видеть.

– Сам толком ничего не знаю. Только с чужих слов. Якобы здесь, в лесопарке, объявилось какое-то чудовище. На людей бросается. Скорее всего, результат неудавшегося колдовства. Или очень даже удавшегося. Любят наши время от времени монстров творить. А потом не справляются. Но бывает, и нарочно выпускают. Вот меня и наняли, чтобы я... – Павел не стал договаривать, и так понятно.

– Ты прямо как ведьмак, – проговорила Алика задумчиво, и Павел усмехнулся.

– Ну да. Получается. Но не очень-то я верю в эту историю. Хотя заплатили вперёд, приходится отрабатывать. Да и действительно проверить надо. Всё бывает.

– И давно ты тут?

– Второй день. Но пока никого не видел. Только собак бродячих.

– Я тоже никого не видел, – опять вклинился Фил. – И Инга не говорила. А она здесь всё хорошо знает.

Сказал про свою лисичку и опять встревожился, опять не смог устоять на месте. Поэтому дальше отправились вместе. Филя всё равно не свернуть, а с Павлом надёжней, хотя в существовании монстра все трое сомневались. Павел даже оружия в руках не держал. Тяжёлая булава с большими пирамидальными шипами висела у пояса, но всё равно выглядела жутко, стоило лишь представить, что будет, если ею ударить.

Особенно, если ударит Павел, у которого и руки-то словно вылиты из металла.

Бродили-бродили по лесопарку, без всякого результата – лишь будничный покой и умиротворяющий шелест сбрасывающих последние листья ветвей. И никого живого, только редкое чириканье птиц в кронах: синички советуются, как лучше подготовиться к предстоящей зиме. Да ворона пару раз сердито каркнула где-то вдалеке.

– Давай вернёмся, – предложила Алика сникшему Филу.
– Может, она уже давно в доме и ждёт тебя.

Павлу тоже поднадоело бесцельное шатание среди деревьев.

– Я вас провожу. А потом поброжу ещё немного. С другого края.

Фил, вдохновлённый Аликиными словами, забежал далеко вперёд. И никто не успел до конца осознать, что случилось. Только тихое шуршанье за спиной...

Громадный зверь налетел стремительно. Сумел подкрасться неслышно? Скорее уж, мчался за ними, почуяв издалека. Рассчитанным, точным ударом мощной когтистой лапы сшиб Павла, потом налетел на Алику, повалил на землю. Прижал, даже не пошевелиться. Зубы щёлкнули возле самого лица.

Жуткая морда. Словно кошмар из снов, словно иллюстрация из bestiария. От ужаса Алику словно парализовало – не дёрнуться, не выдать ни слова. Только и успела неосо-

знанно выставить вперёд руки, и ладони упёрлись в звериное горло, помешали вцепиться сразу. Отсрочили на несколько мгновений. Не дольше. Алике всё равно его не удержать, он в тысячу раз сильнее.

Павел вскочил, выхватил булаву, в один прыжок оказался рядом, встал сбоку, не боясь, что зверь его заметит.

Да и пусть отвлечётся, отвернёт морду от Алики. Павел успеет ударить. Изо всех сил, точно в цель, чтобы с одного раза перебить позвоночник.

Павел занёс булаву над головой.

– Стой! – внезапно заорал Фил. – Не надо!

Кому? Неужели хотел остановить криком зверя?

Павел задержался на миг, стрельнул взглядом в сторону мальчишки.

Нет! Тот не чудовищу орёт. С ужасом смотрит на него, на Павла.

– Не надо! Нет!

Совсем обезумел от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.